

И. А. БУКРИНСКАЯ, О. Е. КАРМАКОВА

ЭКСПЕДИЦИЯ В ГОРОХОВЕЦКИЙ РАЙОН ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Экспедиция состоялась в июне 2016 г. и проводилась в рамках темы «Русские говоры в современной языковой ситуации». В ходе работы над темой ранее обследовались говоры Муромского и других районов Владимирской области. Во время указанной экспедиции была записана речь жителей с. Фоминки, дд. Осинки, Быкасово и Галицы, которые находятся в радиусе от 10 до 30 км от г. Гороховца. Говоры Владимирской области были выбраны для обследования неслучайно: они относятся к центральной диалектной зоне и исторически восходят к ростово-суздальскому диалекту, легшему в основу литературного языка. Центральное положение данных говоров обусловило то, что их характеризуют, с одной стороны, явления, объединяющие владимирские говоры с северным наречием, а с другой — на их территорию заходят изоглоссы отдельных явлений, идущие с юга. Описание этих говоров примыкает к работам, посвященным изучению языкового своеобразия центральной диалектной зоны [Бромлей 1985/2010; Букринская, Кармакова 2014; 2017]. В связи с заявленной темой — «Русские говоры в современной языковой ситуации» — записывался не только традиционный говор, но и региолект, а также регионально окрашенный вариант литературного языка. Традиционный говор представлен в речи информантов А. Ф. Волгановой (1945 г. р., образование 7 кл.), З. В. Красновой (1935, 4 кл.) и Е. С. Чуйковой (1927, 2 кл.), региолект — в речи Н. А. Жильцовой (1936, 5 кл.), М. А. Белкиной (1933, среднее специальное образование, ветеринар), Л. А. Ладоницовой (1942, 7 кл.) и З. В. Ореховой (1930, среднее специальное образование, бухгалтер), регионально окрашенный вариант ЛЯ представлен в речи Н. Б. Гамбаров (1968, 10 кл., завклубом).

* Финансирование экспедиций отдела осуществлялось за счет гранта РГНФ № 16-04-18011 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья», рук. О. Е. Кармакова.

И. А. Букринская, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; О. Е. Кармакова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Фонетика

Гороховецкие говоры, как и соседние с ними муромские, имеют пятифонемный вокализм, неполное оканье — различие /o/ и /a/ только в 1-м предударном слоге после твердых согласных, при этом [o] произносится в корне слова *робота* и в приставке *роз-/рос-*: [роз]вѣсили, [рос]кідыва^ть, [рос]клáдыва^ю.

Наблюдается отсутствие перехода *e > o* под ударением перед [p], [p'] в формах глагола *тереть*: [т'ѣ]рли, [т'ѣ]рла, а также в глаголах *в[в'ѣ]ртывали*, при *за[в'о]рну́ла*, *[в'о]рмáюсь*, *за[м'ѣ]рзнет* при *за[м'о]рзáла*.

В позиции после мягких согласных в 1-м предударном слоге представлено ёканье — произношение [o] на месте *ь, *е и на месте *ѣ; по своим условиям гороховецкое ёканье тождественно муромскому, см. [Дьяченко и др. 2015]. В традиционном слове говора ёканье отмечается вполне последовательно: [б'о]р^у, *вы[jo]зднóй* (жеребец), [д'о]ржáли, *за[в'о]рну́ла*, [з'о]рнó, [м'о]тáли (стога), с[т'о]гáть, на[д'о]вáли, у[б'о]рáть, у[м'о]рлá, у[т'о]кáю, при[н'о]слá, при[в'о]лá, переп[л'о]тáют, при[в'о]з^у, [п'о]к^{ут}, [п'о]клá, [с'о]стрá; [р'о]кá, с[л'о]нóй, у[б'о]глá. Наряду с [o] в позициях ёканья возможен и [e]: [с'е]стрóй, [р'е]кá, [п'е]клá и под., чаще [e] отмечается перед группой согласных: [с'е]стры́, по[в'е]злá. В региолекте в этой позиции чаще фиксируется [e], чем [o].

У всех информантов в соответствии с /a/ после мягких согласных в 1-м предударном слоге сохраняется [a]: де[в'а]нóсто, [в'а]зáли, н[л'а]сáли, [ja]зы́к.

В позиции 2-го предударного слога после твердых имеет место редукция гласного: з[ъ]навѣски, н[ъ]толчѣт, м[ъ]ладóй, н[ъ]до́ят, при этом фиксируются примеры редукции гласного до нуля в соседстве с сонорным [p], в соответствии с 3 предударным слогом в ЛЯ: [бърн]овáть, [гърх]овѣц, [п'ирв]озíли, [п'ирп]лывáла. Ср. также [кърк]овя́к 'краковяк' (вероятно, эпентеза гласных).

В начале слова в соответствии с /o/ в традиционном говоре отмечен [y]: [y]шутíлись 'очутились', [y]бежáешь 'обижаешь', [y]бъясню, [y]травíла, [y]ставля́ла, [y]горбó, [y]гурцы́, [y]свобожда́ли, [y]тиибáет, [y]тказáлась, в прикрытом слоге отмечено лишь 2 примера после губных согласных: н[y]могáет, м[y]локá. В региолекте [y] в позиции начала слова встречается единично.

Редуцированный [ъ] на месте безударного [y] произносится в слове с[ъ]ндúк, с[ъ]ндукí, скорее всего, в этом случае имеет место лексикализация.

В позиции 2-го предударного слога после мягких согласных отмечены и-образные звуки, которые у некоторых информантов ближе к [и], а у других ближе к [ь]: [ji]ровы́е, [м'и]сорúбка, [с'и]мянáми [т'и]желó, [ч'и]ловѣк, [ч'и]лышí 'подберезовикí, [ч'ь]лавѣк, [л'ь]дянóй, [п'ь]ре́ехала и др.

В заударных слогах в гороховецких говорах, как и в муромских, после твердых согласных в соответствии с /a/, /o/ отмечены или редуцированный [ъ], или *a*-образный звук: *Татáр[ъ]в[ъ]*, *с мяс[а]м*, *Мýр[а]м*, *свѣк[а]р*, *сáв[а]н*, *сór[а]к*, *на счѣт[а]х*, *цѣрк[а]вь*, *здорóв[а]й*, *сѣр[а]й*. После мягких согласных в заударных слогах ёканье не отмечено; в соответствии с /e/, /o/, /a/ произносится редуцированный *i*-образный звук: *на пол[и]*, *на лóшад[и]*, *в пó-гр[и]б[и]*, *на дерéвн[и]*, *мѣс[и]ц* или редуцированный [ь]: *в стýп[ь]*, *сдѣла[ь]м*. Перед твердыми согласными единично встретилось произношение *a*-образного звука: *дѣ[н'а]к*, *отдыхá[я]м*.

В иностранных словах наблюдается отпадение начального гласного: *парáты* (аппараты), *кардиóн* (аккордеон), *пирáция* (операция), *Фонáсий* (Афанасий), *Лексѣй* (Алексей).

Система согласных близка литературному языку. У двух информантов — носителей архаического слоя говора А. Ф. Волгановой и Е. С. Чуйковой (причем в речи первой достаточно последовательно) — встречается звук [ɫ], выступающий наряду с [л] в соответствии с /л/ перед гласными непреднего ряда: *бы[ɫ]á*, *рабо́та[ɫ]а*, *жи[ɫ]á*, *со[ɫ]о́мина*, *зо[ɫ]о́вки* и др. Похожая ситуация наблюдается и в материалах ДАРЯ 1948 г. из Гороховецкого р-на (д. Шубино и д. Городищи), где тоже [ɫ] отмечался наряду с [л] в речи отдельных информантов.

Зафиксировано [r'] в слове *ве[r']х* и его производных, а также в позиции с последующим мягким согласным: *жѣ[r'т']*, *ко[r'м']ит*. В традиционном слое говора отмечена утрата затвора в аффрикате [ч']: *но[ш']но́й*. *у[ш']ути́лись*, *до ве́[ш']ера*, *не́[ш']ку*. Произносится [к] в соответствии с лит. [х] в ограниченном круге лексики: *кле́в*, *коро́нѣть*, *скоро́нѣть*, *корово́д*.

Наблюдается отпадение мягкого конечного согласного: *боле́сь* 'болезнь', *е́сь* 'есть, принимать пищу', *е́сь* 'имеется', *жисѣ* 'жизнь', *шосѣ*, *шесѣ* 'шесть', *шерсѣ* 'шерсть' при сохранении конечного твердого: *гармони́ст*, *крест*, *пост*, *хвост*. То же отмечается в ДАРЯ I (карта № 80).

Морфология

Из ярких морфологических особенностей отметим выпадение интервокального *j* и стяжение гласных, которое последовательно сохраняется в традиционном говоре в формах как прилагательных: *вкусна помидо́ра*, *вся́ки пѣсни*, *глу́пы девчо́нки*, *ка́шу грѣчневу*, *замеча́тельна цѣрковь*, *дере́вянна квашня́*, *де́тско мы́ло*, *каме́нны погреба́*, *Казáнска Богороди́ца*, *кото́ра де́вка*, *ма́ссово гуля́нье*, *постѣ́льно бельѣ*, *ста́рша сѣстра́*, *ста́ринны пѣсни*, так и глаголов: *де́лу* (делаю), *скла́дыву* (складываю), *ду́маши* (думаешь), *кида́ш*, *сдѣлаш*, *уме́ш* (умеешь), *рабо́тат* (работает), *подроба́тыват*, *вѣшам* (вешаем), *де́лам*, *сдѣлам*, *обе́дам*, *се́но накида́м* (накидаем), *де́лут* (делают), *де́ргут* (дёргают) *пичу́жку*, *зака́зывают* (заказы-

вают), *закáтывут* (закатывают). Стяжение в окончаниях прилагательных представлено и в региолекте, в глаголах редко.

В системе склонения существительных не зафиксировано ярких диалектных черт. Подвижное ударение у существительных *a*-склонения распространено шире, чем в литературном языке: В. ед. *кóзу, íзбу, кóсу, трáву*. Другие примеры диалектных акцентовок: *по зíму, три зíмы, обе нóги*.

На подвижность ударения во мн. числе указывают примеры Т. мн. существительных, где ударение падает на флексию: *за зайцáми ходил, с овцáми стояли, с песнýми éздили, с плетýми, с пчелáми возíлся, детýми довольна, граблýми согребáли*.

В Т. п. мн. ч. существительных с основами на заднеязычный согласный в традиционном говоре единично отмечена безударная флексия *-ими/-*: *с дефчóн[к'и]ми, с колоко́льчи[к'и]ми*.

Некоторые диалектные черты отмечены в местоимениях. Так, местоимение 3 лица в форме И. п. ед. ч. м. р. имеет два варианта: *он* и реже *[jo]н*. Зафиксирована форма И. мн. *онé*, характеризующая северо-восточную диалектную зону. Как правило, в косвенных падежах после предлогов местоимения 3 лица имеют основу */j/*: Р. ед. м. у *[jo]вó*, Д. к *[jo]мý*, Т. с *[jo]м*, за *[jó]м*, П. *при [jó]м, в [jo]м*; Р. ед. ж. у *[je]й*, Д. к *[je]й*, Т. с *[je]й*, П. *в [je]й*; формы мн. числа: у *[ji]х*, с *[jí]ми*; по-видимому, влиянием лит. языка объясняются формы с основой */н'/* после предлогов: к *[н'е]й*, с *[н'е]й*, у *[н'е]вó*; варьирование */j/* и */н'/* отмечается и в материалах ДАРЯ.

Начальный *[j]* произносится в указательном местоимении: *[jé]тот, у [jé]той стару́шки, [jé]ту я́году не берём* (наряду с литературным произношением, то же отмечалось и в материалах ДАРЯ).

Притяжательное местоимение 3 л. мн. ч. имеет изменяемую форму: *íхий брат, с íхим ма́льчиком, íхая избá, в íхой кварти́ре, íхие дере́вни, íхи родные*.

Наблюдается совпадение Т. и П. ед. ч. м. рода прилагательных, местоимений, местоименных прилагательных, как и в муромских говорах: Т. *не éтим, с éтим, с какím, с [jo]м*, за *[jó]м*, П. *в éтим дому́, об éтим, в какím году, в дли́нным, в Дёржинским, в Гóрьким, при [jó]м, в [jo]м*. В материалах ДАРЯ в адъективном склонении отмечено наряду с окончанием Т.-П. ед. м. *-им/* окончание *-ем/*, которое нами не зафиксировано.

В традиционном слое говора в области глагольной морфологии сохранились следующие архаические черты: 1) дважды зафиксированы формы плюсквамперфекта с согласованным вспомогательным глаголом: *Ба́бушка была́ сидéла; А я плясáла и пéла была́*; 2) форма инфинитива *печí*, присущая северо-восточной диалектной зоне; 3) в презенсе следующих *i*-глаголов ударение падает на окончание: *варíт, сварíт, сварím, уху сваря́т, варя́т; косíт косой, косím; солíт, солím, соля́т; дои́шь, подои́шь, дои́т, доя́т*; 4) ударение на возвратном суффиксе в формах прош. времени м. рода: *родилсá, напилсá* (наряду с *роди́лся, напи́лся*); 5) отмечен пример с

ударением на окончании в форме прош. времени ж. рода *i*-глагола *пустить*: *не пустилá*.

И в традиционном говоре, и в региолекте в глагольных формах наряду с мягким [с'] отмечено твердое произношение [с] в возвратной частице: *бою'с, дру́жимса, испóлнилас, крути́лис, меня́лис, остáлас, просну́лис, родилáс, родилáса, родилсá, собра́лис, трудíлис, учíлис, учíлса*. Эта черта характеризует центральную диалектную зону. В материалах ДАРЯ прослеживалась та же ситуация.

Глаголы, относящиеся ко II спряжению в литературном языке, имеют безударное окончание 3 л. мн. ч. *-ут/-ют*: *дёржут, ездют, замёсют, колóтют, любят, мо́лятся, су́шат, хóдут*.

Синтаксис

Особенностью северо-восточной диалектной зоны является наличие изменяемой постпозитивной частицы, чаще употребляющейся при существительных, реже — при других частях речи. В традиционном говоре ее изменяемый характер проявляется более последовательно, частица представлена вариантами *-от, -та, -то, -ти (-те)*; в региолекте не зафиксирована форма *-от*. В регионально окрашенном литературном языке диалектные формы частицы не отмечены, зато чаще, чем в лит. языке, представлена усилительная частица *-то*.

Судя по материалам, в говоре выбор формы частицы определяется как морфологическими факторами (падежной формой, родом и числом существительного), так и фонетическими (качеством элемента, завершающего слово, к которому присоединяется частица). Кроме того, форма *-то* ([ть]) представляет собой «немаркированный вариант», присоединяемый к любым словам. Ниже жирным шрифтом выделены те примеры, в которых действует исключительно морфологический принцип выбора формы частицы; подчеркнуты примеры, где выбор формы частицы обусловлен, скорее всего, только фонетикой.

Формы частицы при существительных: И. ед. *хлѐб-[ът], дѡм-[ът], война́-та, ма́ть-та, сто́г-[тъ]*, Р. ед. у *Шу́рки-ти, у Лѐночки-ти, у семьи́-ти*, Д. ед. к *ребѐнку-ту, по блю́ду-ту*, В. п. в *войну́-ту, в дере́вню-ту, кры́шу-ту, на ло́шадь-ту, маши́ну-ту, в сто́к-[тъ] везѐшь*, П. ед. в *этом году́-[тъ], на по́ли-ти, в супу́-[тъ]*; И. мн. *делá-ти, о́кна-те, дефчо́нки-ти*, Р. мн. из *отде́л ка́дров-ти, де́нек-[тъ] нет*, В. мн. на *ко́пны-ти*. Формы частицы при отсубстантивных наречиях и прилагательных: *ле́том-[тъ], домо́й-[тъ], внизу́-ту, вверху́-ту, последне-[тъ] время*.

Отмечен субъективный генетив: *волко́в бы́ло, грибо́в есть, солони́ны вся́кой бы́ло*; особенности управления: глагол *смея́ться* употребляется с В. п. и предлогом *на*: *смея́лись на ни́х; В сосе́дях жи́л стари́чок* в соответствии с лит. *по соседству*.

Ниже приведены данные по **лексике**, собранные по Программе ДАРЯ [Программа 1947].

Жилище и приусадебное пространство

Дом ‘крестьянский дом, жилое строение’. *Изба́* ‘комната в доме’; *дом в три, в четыре избы*. *Крестово́й дом* ‘дом в четыре избы: с двумя внутренними пересекающимися капитальными стенами’. *Дом погони́ый* ‘дом, который вытянут в глубь участка’ (ср. *пого́ном, нареч.* Подряд, друг за другом. *У двора дальше была пого́ном изба*. Каргоп. Арх., 1971 [СРНГ 27: 306]); *плáнный дом* ‘дом, который длинной стороной стоит вдоль дороги’. У реки дом ставили *на бы́ках* — сваях. *Колидо́р* ‘пространство между избами’, а раньше были *се́ни, раньше колидор назывался сени*. *По́дпол* ‘пространство под полом, подвал для картошки и других овощей’: *ф сентябрé ро́ем кърто́шки, уса́т-тъ, и ссыпа́ем туда сейча́с и свёклу, и морко́вь. Западня́* ‘крышка подпола’. *По́дволока* ‘потолок; чердак’. *По́греб* ‘каменное помещение ниже уровня земли, предназначенное для хранения овощей, расположенное отдельно от дома’. *Пола́ти* ‘деревянный настил под потолком, на котором спали’. *Зы́бка* ‘люлька для ребенка, вешалась на пружине, которая вдевалась в кольцо, вставленное в потолок’. *Уса́дьба* ‘место, где стоит дом, находятся хозяйственные постройки, огород и палисадник’. *Угори́д* ‘место рядом с домом, где сажают овощи’. *Уса́д* ‘участок под картошку, находящийся недалеко от дома’. *За́городка* ‘палисадник’.

Места для содержания скота и сеновал

Двор ‘помещение, где стоит скотина, пристроенное к дому’. *Клев, кле́вы* ‘отгороженные места для скота внутри двора’. *Оми́еник, оми́и́ник, тепля́к, на моху́*, ‘рубленая постройка для мелкого скота, чаще поросят, внутри двора’. Употребляются и специальные названия помещений для скота: *те́лятник, овча́рник, свина́рник*. *Суши́лы* ‘место в верхней части двора и приспособления для сушки и хранения сена’.

Хозяйственные постройки

Амба́р, анба́р, омба́р ‘постройка, в которой в ларях хранили зерно’. *Ла́рь* ‘ящик для хранения зерна’: *ящик большой, как дом срубленный*. *Пала́тка* ‘небольшая каменная постройка, где хранили вещи от пожара’. *Гумно́* ‘место, куда свозили снопы для обмолота’.

Домашняя утварь

Гори́ок ‘посуда из глины с широким горлом’. *Кваши́я* ‘деревянная посуда для растворения теста’. *Жаро́вник* ‘большой противень для выпекания хлеба и пирогов’. *Коло́да* ‘большое деревянное корыто для разных нужд’. *Коромы́сел* ‘деревянное приспособление для переноски ведер с водой’. *Кри́нка* ‘посуда из глины для молока с узким горлом’. *Сковоро́дник* ‘ручка

для сковороды'. *Ухва́т* 'приспособление для выемки горшков из печи'. *Чугу́н, чьгуны́, чугуно́к* 'металлический сосуд для приготовления пищи'. *Черепе́нка* 'глиняная посуда в виде глубокой миски'.

Сельскохозяйственная лексика

Де́ргать лён, дра́ть лён 'убирать лен с поля': лён *дра́ли рука́ми, потом колоти́ли се́мя. Коса́* 'орудие для косьбы'; *око́сье*, 'длинная ручка у косы'; *опа́лок* 'небольшая ручка на окосье'. *Кресты́* 'малая укладка снопов в поле'. *Оме́т, скирды́* 'большие укладки снопов'. *Стог, ко́пны* 'укладки сена'. *Ко́ча, ко́чка* 'укладки льна'. *Паха́ть* 'обрабатывать землю под посев с помощью орудий'. *Боронова́ть, борнова́ть* 'разрыхлять землю'. *Жи́то* 'ячмень на пиво'. Название цепа не помнят. *Ози́мые* 'злаковые культуры, которые сеяли под зиму', *яровы́е* 'злаковые культуры, которые сеяли весной и убирали в конце лета'. *Пле́ть* 'ботва картофеля и гороха'. *Се́мя* 'льняное семя'. *Клу́ша* 'курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят'. *Бода́ться* 'бодаться', в отличие от муромских говоров, где в этом значении был отмечен глагол *пыря́ться*. *Суя́гная* (об овце), *сте́льная* (о корове). *Руно́* 'овечья шерсть'.

Еда

Лапи́енник 'густая лапша, раньше обязательно подавалась на свадьбе'. *Мяту́ха* 'картофельное пюре'. *Со́чни* 'пироги из пресного теста'. *Мохну́шки* 'булочки домашней выпечки'. *Пресня́ки* 'пироги с начинкой'. *Кисе́ль* 'студенистая еда, варили густой кисель из овсяной муки или из крахмала с ягодами, резали ножом'. *Скрой* хлеба 'краюха, горбушка'.

Лексика природы

Ве́дро 'хорошая погода'. *Пого́да* 'плохая погода'. *Ра́дуга* 'радуга'. *Круте́нка* 'высокий берег реки'. *Боло́то* как в ЛЯ. *Зато́га* 'затопляемое место' (ср. *зато́ка*, ж. Болотистый луг и песчаное место, затопляемые весной при разливе рек. Смол., Слов. Акад. 1905 [СРНГ 11: 96]). Названия ягод с суф. -из(а): *брусни́га, земляни́га, клупни́га, черни́га*; другие названия ягод: *гонобо́б* (голубика), *сьмороди́на, полони́ка, полони́ца, поло́шка* (ягода, похожая на землянику, растет на полях, *покисле, как земляника, только покрупнее*). Названия грибов: *опя́ты, масля́ты, чельши́* и *подберёзовики* 'подберёзовик', *бе́лы грибы, лиси́чки*. *Столбунцы́* 'соцветия подорожника, щавеля' (ср. *столбунéц* 5. Высокий, толстый стебель какого-л. растения. Пенз., Даль [Там же 41: 210]).

Наречия

Ле́жам, сто́ям, пе́шам; гужо́м 'все вместе': *гужо́м девчо́нки идут. Не́коли* 'незачем', *ковда́* 'когда'.

*Некоторые интересные выражения
(из лексики, фразеологии, народной этимологии)*

*Я всю жись **чертоло́мила** ‘много и тяжело работала’. За соло́мину цепля́емся. Коси́ли, **утля́ки** не было (коса хорошо косила, не надо было поправлять). На посидёлках **дружьи́лись** (общались). Умел **пчелово́дить** (разводить пчел). **Сту́кать** ‘делать укол’. Корова мало **дойт** (доится). Давно́ **зна́лись** (были знакомы). Маму **наряжа́ли** *стога́ метать*; Меня **наряжа́ли** *угоро́д полива́ть* ‘давать задание’. *Ехать в маши́й* (ехать на лошади медленно). *Сидел на бронё* (имел бронь). *Языко́м чё́шем* ‘болтаем попусту’. *Глаз не су́шит* (плачет). *Колосок сгно́й, а не беру́* («закон о колосках»). *Дожи́ть бы до ста́рости да умере́ть бы в жа́лости!* Народная этимология названия города: **Горхове́ц** — из сочетания *хováться за гора́ми*.*

Обряды и обычаи

Долгое время сохранялся обычай *посидёлок*, на них собирались девушки, занимались вязанием, позже приходили парни, плясали *кадрель*.

Был обычай устраивать *деревенские обеды*: на них собиралась вся деревня отмечать престольный праздник. Обычно праздновали церковные праздники: Пасху, Рождество, Благовещение, Николу, Казанскую, Троицу, Крещение. Никола и Благовещение считались *строгими праздниками*, на них ни в коем случае нельзя работать: *сиди́м ничево не де́лам*. Были и такие праздники, когда устраивалось *массово гуля́нье* на берегу Оки (д. Быкасово), где собирались жители нескольких деревень, это чаще происходило на Троицу.

Сохранились элементы свадебной и похоронной обрядности. Так, было принято сватать невесту, с этой целью приезжали родные и друзья жениха. До сих пор невеста собирает приданое. В приданом раньше было *всё постельно* — *целый сундук, придано строчёно* (*укла́дка, укла́да* — сундук с приданым). Невеста вязала кружева, шила *занавёски*, перед свадьбой в доме жениха их развешивали подружки. За свадебным столом перед женихом вешали *пичу́жку* (птичку из соломы) на верёвочке, которую дергали подружки невесты, а жених должен был ее поймать; если жених не мог этого сделать, он платил выкуп. Было принято подавать на свадьбу, помимо прочего, *лапше́нник*. На свадьбу, а также на проводы в армию забивали *осённого барана́*. На второй день свадьбы перед женихом ставили *яичницу*. Если он *почерпнёт с краю*, то это знак того, что невеста *чёстная*, а если в *серёдке почерпнёт* — значит, невеста *нечёстная*.

Достаточно полно сохранился похоронный обряд. Сразу после смерти в доме открывают трубу, чтобы душа могла свободно вылететь. Никому постороннему ничего не дают из дома, чтобы не было еще одной смерти. Над покойником было положено близким *причита́ть го́лосом* (*Ма́ма-та уме́ла, ма́мы-ти нет*). Покойника выносят не раньше 12 часов дня, а после того, как вынесут гроб, табуретки, на которых он стоял, переворачивают ножками вверх. Когда покойника вынесут, моют в доме пол от двери к окну, чтобы больше никто не умер.

Одежду для погребения готовили заранее: *задолго припасаем, костю'м, чтоб не надёвано. Саван* — женский погребальный головной убор, который сами шили из тюля. Женщину должны нести на кладбище женщины. Для похорон женщины 12 головных платков *надо припасти*, их раздают тем женщинам, которые несли гроб и крышку. Если мужчину хоронят, то надо раздать мужчинам 12 носовых платков. Похоронная процессия двигалась в следующем порядке: сначала икона, потом несли крышку гроба, потом венки и гроб с покойным. На кладбище, называемом *моги́лки*, после похорон было принято *просить прощение* друг у друга и приглашать всех на *тёплый обед*. Отмечают 40-й день и годину. Обязательно в эти дни *в моги́лки сходи́м*. 40-й день — *проща́ние с ду́шкой*, в этот день душа приходит прощаться с домом. Родные обычно следят, чтобы был знак, свидетельствующий об этом прощании: *ко́шка мяу́кнет, дверь хло́пнет*.

Первая встреча, встречная милостынька дается человеку, который первым встретился похоронной процессии; обычно дают хлеб (батон) и луковицу, завернутую в платок или полотенце.

Сохраняются и элементы суеверия. Так, деревенские жители вплоть до последнего времени обращались к знахарям, чтобы снять порчу, сглаз, в том числе килы (нарывы), тем более что кто-то *за́просто килу вопрёт*, может *приде́лать килу́*. Знахари обычно наговаривали на воду, читая молитвы, а потом этой водой сглаз *смыва́ли*. *На за́кате со́лнышка водичку наговори́ла, полёйте в пя́тку двéри* (для защиты дома).

Любопытна история, рассказанная З. В. Красновой (дело происходило во времена ее молодости) о том, как *над табуно́м было сде́лано* (навели порчу на стадо коров). Коровы перестали есть и доиться: *бегут и тра́ву не видя́т*. Тогда пастух поехал к *дедушке* (знахарю) с двумя мешками пшеницы — платой за помощь. Дедушка сказал: *все стар и мал собирайтесь, набейте ко́лья*. Надо было прогнать коров через колья так, чтобы *табу́н пробил ко́лья*. Самая бойкая корова *прошла, и все остальные за ней*. Знахарь предупредил, что тот, кто *отде́лал* (навел порчу) стадо, придет, а если его не узнают, то коровы по-прежнему не будут доиться. Было сказано, что *жени́ца приде́т, карау́льте!* Пришла *ба́ушка Дуня с о́братью лошади́ной* (конской уздой) и банкой молока в фартуке. Ее подвергли допросу, молоко вылили, а потом пастух ударил старуху кнутом. С той поры коровы стали вновь доиться.

В заключение приведем рассказ З. В. Ореховой, отражающий сохранение элементов архаического сознания. Подобные рассказы мы назвали таинственными. К этому жанру относим повествования о знаках потустороннего мира, о событиях, которые могут иметь как сверхъестественное, так и реалистическое толкование, о встрече с покойником во сне, вещих снах, предсказаниях [Букринская, Кармакова 2015]. Интенцией таинственных, а может быть, и любых мифологических рассказов является желание поделиться жизненным опытом, обобщить его и вывести на уровень мировоззренческих универсалий.

<На сороковины не приехала>

Д. (диалектолог): *Как покойника поминали? Что готовили?*

З. В.: *Ну это я не знаю как... Что готовили? Мне уж не приходило... Я уже здесь жила, мама умерла. Готовили снохи, д'ве снохи да и сестрёнка с тридцать восьмого года, она подростла. Я уже приежжяла к готовому, да роботала-то.*

Д.: *Туда приезжали, в деревню?*

З. В.: *Да, в деревню. Доежжяли э-э поездом, а от станции автобусом, а там тоже автобусы еще, прям до деревни, напротив дома остановка автобусные. Хорошо.*

А на сорок дней к маме не приехала. Вот, девчонки, какой случай был. Я роботала и приехала с ночи, усталая. Думаю: я немножко полежу. И со станции Горховец уходил поезд, это уже электропоезд уже... в час дня. А я приехала в девять часов утра, думаю: я часика полтора полежу, и проспала. Проспала в час, а он в час и отправился. Я так переживала, тах-то меня там ждали: сорок дней маме, я не приехала. Легли спать. Муж с работы приехал и говорит: «Ты чего дома?» Еще, значит, я должна еще там, я должна попоздней приехать-то. Я грю: «Я ведь проспала, я не была в деревне».

Ну ладно, легли спать. И мне снится сон, что этот сон, я проснулась от этого сна. Значит, слышу: открывается дверь, это мне снится. Открывается дверь, входит мама и топает ногами, слышу, я уже вроде проснулась, это я чувствую, что я проснулась. А у меня был сундук (усмехается), багажом отправляли вот сюда вот, когда замуж выходила. Машинку, конечно, мы с собой взяли, а шобло (одежда), там осеннее, плащ, зимнее, там платьишки — всё в сундуке утправили багажом. И этот сундук у меня стоял ну на кухне, што ли, в бараке-то. Вот она подошла туда, поставила сумку и говорит: «Фу, как я устала!» Я уже совсем проснулась, бужу его. Он: «Ты чего?» Я грю: «Мама пришла!» Он: «Да ты что?» Я говорю: «Да так!» Ну чего? Он уж боится, я уж его тут наполила, он уж боится вставать-то: мама пришла.

Это вот правильно поминки: покойник-то вот приходит. А я не явилась, а она ко мне на сорок-то дней-то явилась, сюда к нам, в Галицы. Она, правда, приежжяла ко мне в гости-то, но после сорока-то дней-то... Попраснодали, а меня не было. Вот какой случай был.

Утром встала, баушка глухая жила (теперь я сама такая же глухая), пошла к ней. «Баушка, мне мама вот и вот как пришла». — «Иди быстрее в магазин, купи там батон!» Тогда и батон еще праздник был, не у всех и батоны-то были, девчонки, как жили-то. Батон купила, еще чего-то, не помню, и подала кому-то. «И подавай милостьтинку!» Вот, а проспала. Не пришла на сорок дней к маме, так она ко мне явилас. Это во мне бродит, это я вам сон рассказываю свой.

Д.: *А почему нужно было батон кому-то подать?*

З. В.: *Вроде, чтобы помянули, шоб помянули.*

Д.: *А всё равно кому?*

З. В.: *Да, да. Ну, старались пожилым людям, им отдавать-то. Скажешь там кому. Они там перкрёстятся, помянут, или детям глупым. Вот сейчас всё детям глупым.*

Л и т е р а т у р а

Бромлей 1985/2010 — С. В. Б р о м л е й. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985. Переиздание в: С. В. Б р о м л е й. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. М., 2010. С. 136–164.

Букринская, Кармакова 2014 — И. А. Б у к р и н с к а я, О. Е. К а р м а к о в а. Русские говоры центра: из истории изучения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. III. Диалектология. М., 2014. С. 258–272.

Букринская, Кармакова 2015 — И. А. Б у к р и н с к а я, О. Е. К а р м а к о в а. Таинственный рассказ как жанр диалектного монолога // Речевые жанры современного общения. Тезисы докладов международной конференции. Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015 г.). М., 2015. С. 30–32.

Букринская, Кармакова 2017 — И. А. Б у к р и н с к а я, О. Е. К а р м а к о в а. Ареальный портрет муромских говоров // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М., 2017. С. 221–239.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III. Ч. 1. Лексика. М., 1997; Ч. 2. Синтаксис и лексика. М., 2004.

Дьяченко и др. 2015 — С. В. Д ь я ч е н к о, И. И. И с а е в, А. В. Т е р - А в а н е с о в а. Ёканье в муромском говоре деревень Татарово, Нула, Ожигово Муромского района Владимирской обл. // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 217–226.

Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и севернорусских говоров. М., 1970.

Программа 1947 — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М.; Л. (СПб.), 1965—.

Резюме

В статье содержится краткая характеристика особенностей фонетики, морфологии и синтаксиса говоров нескольких деревень Гороховецкого р-на Владимирской обл. Более подробно описана лексика, относящаяся к нескольким тематическим группам. Дается обзор обрядов и обычаев и обрядовой лексики, приводится текст, относящийся к жанру «таинственного рассказа».

Ключевые слова: владимирские диалекты, диалектологические экспедиции, фонетика, морфология, лексика, диалектные тексты.

Получено 11.05.2018

IRINA A. BUKRINSKAYA, OLGA A. KARMAKOVA

**DIALECTOLOGICAL EXPEDITION TO GOROKHOVEC DISTRICT,
VLADIMIR REGION**

The article describes lexical phenomena as well as some phonetical, morphological and syntactic features of Gorokhovec dialects, which belong to the East Middle Russian dialect group. The data were collected in 2016 in several villages near the town of Gorokhovec. A story told by one of the informants describing her dream is given in the end of the publication.

Keywords: Vladimir dialects, dialectological expeditions, phonetics, morphology, lexis, dialectal texts.

Received on 11.05.2018